

«При действующих нормах трудно проектировать, но ими можно и нужно уметь пользоваться»

«В Москве бы лучше ничего не трогать»

ВАЛЕНТИН КОРНЕВ

Александр Скокан — глава архитектурного бюро «Остоженка». Его имя ассоциируется прежде всего с этим старым московским районом, который не в последнюю очередь стараниями Скокана превращен в элитарный квартал «Золотая миля» и для одних стал символом престижа, а для других — невосполнимого разрушения «тихих московских переулков». Сам Скокан считает, что для работы архитектора пригодно любое место, но не во всяком месте архитектору стоит браться за работу.

Как в вашей работе первоначальная идея проекта об-

ретаает конкретную форму?
Есть три обстоятельства. Это заказчик, который является инициатором, мотором затеи, замысла. Место, где этот замысел должен состояться, — в городе, поле, лесу, где угодно. И архитектор, который делает проект. Из этих трех составляющих и образуется архитектурное произведение. Инвесторы бывают разные: богатые и не очень, с фантазией или без; место бывает хорошее, подходящее, историческое — или же вовсе нетронутое.

Если говорить о месте, то какое место для вас подходит в качестве объекта архи-

тектурного творчества?
Любое. В каждом есть и свои проблемы, и свои духи места. Профессия архитектора — синтетическая. Многие вопросы, связанные с большими проектами, требуют участия множества специалистов: финансистов, инженеров, экологов и так далее. Каждый из них в своей сфере более компетентен, чем архитектор. Но только он обладает способностью все суммировать — в этом состоит его искусство.

Какой из ваших проектов нравится вам больше других? Больше всего мне нравится проект, выполненный на кон-

курсе по созданию туристического лоджа в Перу. Это фантастическое место: напротив руин Мачу-Пикчу стоит гора Патакузи — «клык», который является своего рода фокусом окрестностей. Строительство предполагалось на ее вершине. Мы исходили из того, что это надо сделать незаметно. Поэтому было задумано не сооружение, а глаза, которыми оно смотрит. Внутри горы спроектированы шахты и каждая из них выходит наружу неким глазом. Присутствие гостиницы обнаруживается только этими светящимися глазами. Тут не было заказчика, конкурс был

концептуальным, ничего не связывало и все строилось на личных ощущениях.

А каковы пределы смелости архитектора в более «приземленных» проектах? Вот, например, еще не построенный Sky House — четыре башни между «Шаболовской» и «Октябрьской», рядом с готовым жилым комплексом «Созвездие капитала»... У обоих названных проектов один заказчик, в Москве достаточно известный (компания Capital Group. — Forbes Real Estate), ему удается многое, что оказалось бы не под силу другим заказчикам. Сегодня многое зависит не только от искусства архитектора, но и от способностей девелопера в части согласований. А если смелость и решительность заказчика сходятся со смелостью архитектора, получаются выразительные формы.

Имеется участок неправильной и совершенно случайной формы, абсолютно непригодный для того, что должно на нем стоять, поскольку ранее на нем был завод. Естественно, заказчик просил добиться максимальной итоговой площади. Надо поставить несколько башен, при этом существуют ограничения по инсоляции, то есть они не должны загораживать друг друга и окружающие дома. В результате возникает некий достаточно сложный план.

И как он оформляется в объемное решение?
Это точное следование не то чтобы духу, скорее обстоятельствам места. Если изменится норма инсоляции, проект будет выглядеть иначе. Часто жалуются, что при действующих ограничениях очень трудно проектировать. Но ими как раз можно и нужно уметь пользоваться.

А в случае с «Соколиным гнездом» — башнями в старой застройке на Соколе — или опять же с высокими жилами домами на Дмитровском шоссе?
Все было сделано на пределе возможного — инсоляционных, пожарных и иных норм. Это как самолет, в котором нет ни одного килограмма лишнего веса, потому что он должен летать. В случае с новыми домами нужно выжать максимум, они должны обладать определенными коммерческими свойствами. Когда они строились, это было слишком вызывающе. Эти дома — как дети, которые испытывают взрослых, выясняя, что можно, а чего делать уже нельзя. Никто тогда не говорил, что так нельзя делать, но теперь ни нам, ни кому-то другому больше такого не позволяет.

Ваши жилые башни часто появляются на территории старой застройки.

Вспомним, как появилась «цековская» застройка. Жанр происходит от ХозУЦК и Совмина СССР. В старых переулках находили ветхую застройку — тогда понятия исторической ценности еще не было — с износом до 80%, сносили и на освободившемся месте появлялись башни из светлого кирпича. Поначалу это казалось даже интересным, когда на контрасте со старыми домами появляются новые.

Ваши проекты обычно оказываются коммерчески очень удачными как объекты недвижимости. Это результат вашей работы, пожеланий заказчика или еще каких-то факторов?
Характеристики проекта являются из выяснения возможностей дома, инфраструктуры, из работы с риелторами. Кстати, на Мытнинской улице ранее, вместо нынешнего комплекса, был другой вариант

ФОТО АЛЕКСЕЙ МОЛОДЦОВ

1

1. Жилой комплекс на проспекте Мира
2. Административное здание на 1-й Брестской улице
3. Офисное здание в Лесных переулках
4. Жилой комплекс в Борисоглебском переулке

проекта, более интересный. В том проекте дом замыслился на месте ныне существующего стадиона, по его контуру, в форме очень большой ванны. В его стенах были предусмотрены треугольные разрезы, через которые проникали солнечные лучи. Получалась законченная форма с очень выразительной пласт-

тикой, объем, гораздо более интересный, чем башни. Существует мнение, что архитекторы, когда рассказывают про какую-то интересную форму, пудрят мозги, объясняя ее слушателю всего лишь тем, что под землей проходит, например, канализационная или еще какая-нибудь труба. Часто бывает именно так. Есть более

романтичные вещи, солнечные лучи например, а есть более прозаичные, допустим, непереносимый кабель правилительственной связи. Именно такие нюансы в итоге определяют архитектурное решение.

Вам приходилось заниматься загородными проектами? Индивидуальными домами —

нет, это другая работа. В случае с корпоративными клиентами есть понятные, объективные требования. Например, при обсуждении одного из проектов с заказчиками было заявлено очень просто: 50% поверхности фасадов — стекло, остальное — не стекло. С индивидуальным заказчиком так бы не получилось, с таким

клиентом нужно войти в сложные отношения, на какое-то время срастись с ним душой. А мне не очень интересно соперничать конкретным человеческим потребностям и слабостям.

В вашей работе есть идеологическая сторона? Не секрет, что среди архитекторов есть убежденные сторонники классики, модернизма или чего-либо еще.

Я уже говорил, что обстоятельства, из которых складывается архитектурное произведение, — заказчик, место и архитектор. Есть архитекторы, которые просто делают то, что просит заказчик, и ничто больше их не волнует. Есть другие, увлеченные тем, что у них имеется собственный почерк, индивидуальное видение. Мы, пожалуй (а в бюро «Остоженка» не один архитектор, а несколько), страдаем тем, что слишком большое

значение придаем месту. Это наше сложившееся убеждение, а может, и заблуждение. Когда мы работали над проектом реконструкции района Остоженки и привыкли внимательно относиться к материалу, с которым приходится сталкиваться. Наши проекты имеют свое лицо, но общим для них является именно значение, которое уделяется прочтению места. Его надо расшифровать — примерно как Дерсу Узала по сломанной веточке определял, кто здесь недавно прошел и откуда дул ветер. Именно это искусство определяет специфику наших проектов: архитектура зависит от места, если хотите, она должна быть уместна. Кроме того, если некогда архитектор был безымянным сотрудником проектного института, то сегодня он стал публичной фигурой. Обратная сторона такого превращения — ответственность.

Перед заказчиком, перед собой и перед местом, где будет стоять твой дом, мимо которого ходят люди и ты сам в их числе. Этой ответственности не несут ни политики, ни девелопер.

Бывают особые места. Вы занимались проектированием комплекса на набережной, где раньше было английское посольство, практически напротив Кремля.

Мы делали концептуальный проект развития этой территории в самом начале 1990-х годов — всего лишь один из массы проектов, которые для нее делались. Если бы сейчас подобное предложили, я бы не стал брать: советами замучают, причем все, кому надо и кому не надо. В Москве мы стараемся избегать всякого рода знаковых мест, лучше держаться подальше от центра и от исторических памятников.

Каким бы для вас был портрет идеального или, скажем, очень хорошего места?

Вообще в Москве, особенно в исторической части, мне бы лучше совсем ничего не трогать. В том числе и меня не подпускать. Я мало с чем из того, что происходит в центре города, могу согласиться, даже с собственными проектами. Каждый из них — результат сложных компромиссов, обстоятельств и многого другого.

А что бы вам хотелось построить?

Не знаю. Деревенский дом, наверное. Который снаружи был бы похож на избу, а внутри совсем бы ею не являлся. В сложившейся деревне изба абсолютно уместна и красива, но, к сожалению, не отвечает современным стандартам по площади, санузлам и другим параметрам. Интересно было бы как-то соединить эти компоненты. ■